

форме – в педагогических институтах. Официально считалось, что именно заочное обучение наиболее перспективно и полностью отвечает поставленной партией и правительством задаче – «приблизить школу, в том числе и высшую, к жизни». Такая точка зрения была сформулирована на самом высоком партийно–государственном уровне: «...в развитии высшей школы ... надо идти по линии вечернего и заочного образования... Необходимо добиться того, чтобы люди, занимаясь полезным трудом в обществе, в свободное от работы время имели бы, при желании, больше возможности учиться в таких учебных заведениях, где они изучали бы искусство, живопись, гуманитарные науки и т.п.» [6].

Этот официальный подход, закреплённый нормативными документами, привёл к практике сокращения наборов на дневное отделение факультетов широкого профиля в педагогических институтах, где присутствовала специальность «история». В структуре же исторического факультета Белорусского государственного университета дневное отделение по названной причине в полноценном виде с 1959 года также перестало функционировать.

Заключение. Такая модель высшего исторического образования Беларуси показывает, что в действительности она являлась и системой обучения, и частью механизма идеологической работы КПСС, имевшего своей целью формирование у миллионов людей мировоззрения, соответствующего проводимому политическому курсу. Это обусловило и значительное отставание в качестве профессиональной подготовки белорусских историков в сравнении с опытом западных стран, где основой профессионального исторического знания, полученного в высшей школе, было овладение методикой самостоятельного анализа разнообразных исторических источников и приобретение навыков теоретического обобщения различных исторических фактов и событий.

1. Государственный архив Витебской области, ф.204, оп. 10, д. 11, л. 7,1 5.
2. Государственный архив Витебской области, ф.204, оп. 10, д. 11, л. 7-8.
3. Национальный архив Республики Беларусь, ф.42, оп. 5, д. 356, л.20.
4. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // О коммунистическом воспитании и укреплении связи школы с жизнью: Сборник документов: Политиздат. – М., 1964. – С.71.
5. Национальный архив Республики Беларусь, ф.42, оп. 4, д. 344, л.65
6. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // О коммунистическом воспитании и укреплении связи школы с жизнью: Сборник документов: Политиздат. – М., 1964. – С.75.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВ В БССР В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

*Н.Н. Пархимович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Аграрный сектор Республики Беларусь – одно из динамично развивающихся направлений экономики нашей страны, приносящее весомые поступления в казну. Однако в сельском хозяйстве существует ряд проблем. Изучение и учёт прошлого опыта развития и становления экономики деревни поможет её совершенствованию в настоящем.

Цель работы – выявить и проанализировать проблемы, препятствовавшие становлению и развитию коллективных хозяйств в БССР в начале 1920-х годов.

Материал и методы. Материалом для исследования явились документы Национального архива Республики Беларусь. Работа проводилась на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Результаты и их обсуждение. Практический путь становления колхозов в начале 1920-х годов был таким же непростым, как и теоретические и законодательные изыскания вокруг них. К концу 1922 года во всей БССР насчитывалось 45 коллективных хозяйств (7 коммун и 38 артелей) [1]. В то же время, по плану отдела коллективных хозяйств народного комиссариата земледелия, предполагалось создать 120 единиц. Ввиду недостатка средств в комиссариате земледелия, выделение ресурсов всем 120 колхозам стало невозможным. Существовать же без государственной поддержки хозяйства в то время не могли. В результате было организовано лишь 45 коллективов, но и они испытывали острый недостаток в материальных ресурсах. Субъективизм в политике наткнулся на объективную преграду и дал сбой, это на некоторое время охладило пыл наиболее ярых сторонников коллективизации деревни.

В 1923 году в динамике колхозов наступает стабилизация: не создавались новые и не распадались старые. Объясняется это тем, что коллективные хозяйства в то время организовывались на землях, конфискованных у помещиков, а резерв таких земель в 1923 году был почти исчерпан, объединять же в коллективные хозяйства свои наделные земли не хотели тогда даже беднейшие крестьяне.

Членами колхозов становились всё те же безземельные и малоземельные крестьяне, батраки и эмигранты. Организовывались коллективные хозяйства, как правило, по инициативе коммунистов, бывших красноармейцев, которые являлись убеждёнными сторонниками коллективного земледелия. Исходили они при этом не из экономической целесообразности, а из идеологических соображений. Под коллективным производством тогда понимали «сельскохозяйственный коллектив, представляющий собой добровольный и самоуправляющийся союз лиц, основанный с целью увеличить трудовой доход его членов при помощи совместного ведения хозяйства объединённым трудом и средствами членов коллектива на общей земле» [2]. В 1921–1923 гг. все созданные коллективы, в зависимости от степени обобществления основных средств и распределения доходов, делились на два типа: коммуны и артели. В коммунах полностью обобществлялись все средства производства, их члены не имели своего хозяйства, получали определённое количество продуктов, необходимых для поддержания жизнедеятельности, из общего дохода. Прибыль между участниками производства не распределялась, а поступала в общественный фонд коммуны.

В артели обязательным было внесение пая при вступлении в члены колхоза, но не обязательна была ликвидация своего подсобного хозяйства. Средства производства обобществлялись полностью или частично. При оплате труда принималось во внимание не только его количество, но и качество. Прибыль в таких хозяйствах делилась между его членами.

Уставы коммун и артелей должны были регулировать всю деятельность этих коллективов. Однако на практике все важнейшие вопросы хозяйственной жизни и деятельности регулировало общее собрание. Оно же в своих действиях мало опиралось на устав. Решения принимались исходя из назревших нужд и практической целесообразности, которую не всегда мог предусмотреть устав. Он же в эти годы нужен был прежде всего для регистрации коллектива в вышестоящих органах, а не регуляции жизни хозяйства.

Вот, например, документ, регламентирующий деятельность коммуны «Потелькомхоз» Сенненской волости Минского уезда [3]. Согласно уставу, членами коллектива могли быть все граждане, достигшие 18 лет, которые не были лишены избирательных прав. Вступая в коммуну, каждый гражданин обязан был рассчитаться по своим долгам, а принадлежавшие ему постройки, рабочий и производительный скот, инвентарь, деньги передать в общее пользование. Вопросы приёма и выхода, исключения из коммуны решались общим собранием. Каждый из членов «Потелькомхоза» получал за свой труд нормированное количество продуктов. Их объём не должен был быть меньше уровня, необходимого для поддержания жизнедеятельности. Минимум определяло общее собрание. Никто из членов хозяйства не мел права получать за свой труд в пределах «Потелькомхоза» особого вознаграждения. Весь доход коллектива поступал в общий фонд и между коммунарами не распределялся, в отличие от артелей. Таким образом, принцип материальной заинтересованности в коммунах отсутствовал. Вся деятельность в этих коллективах строилась на сознательности каждого члена коммуны.

Примерно такими же были уставы других коммун, они могли отличаться лишь местными особенностями.

Обратимся теперь к уставу артели «Сетмас» Минского уезда. Как и в коммуне, высшим органом коллектива являлось общее собрание, для оперативного руководства делами артели создавался совет хозяйства. Если устав коммун не предусматривал точного учёта труда каждого члена, то в «Сетмасае» в конце каждой недели в расчётно-трудовые книжки работников заносились данные о числе отработанных ими дней и часов, виде работы и её качестве. Крестьяне, выполнявшие различные виды работ, получали разное вознаграждение. Оплата труда производилась по утверждению годового отчёта по результатам хозяйственной деятельности. На социально-бытовые нужды членам артели выдавались авансовые суммы в размере, который устанавливало общее собрание. Если в коммуне «Потелькомхоз» все средства производства обобществлялись, то в артели «Сетмас» крестьяне имели в личном пользовании инвентарь, вели подсобное хозяйство. Однако основным все же оставался труд на общественном поле.

Сравнивая эти два устава, можно отметить, что в артели присутствовал принцип материальной заинтересованности, именно этот фактор определял большую жизнеспособность артелей. В то же время был ряд причин, который снижал эффективность работы колхозов в начале 1920-х годов. Одна из них заключалась в том, что земля этим коллективам предоставлялась на условиях коллективного пользования с обязательной арендной платой. В результате члены артелей ставились в худшее положение, чем крестьяне-единоличники, которые получали землю в трудовое пользование бессрочно и бесплатно. Существование арендно-договорных отношений между земорганами и коллективными хозяйствами порождало у крестьян-колхозников чувство временщиков и не способствовало сохранению плодородия почвы. Некоторые члены колхозов стремились путём интенсивной эксплуатации земли получить как можно больше личных накоплений и выйти из состава коллектива.

В становлении и развитии коллективных хозяйств в 1921–1923 гг. существенную роль играли ещё 2 фактора. Дело в том, что находившиеся на территории колхозов предприятия им не принадлежали, а находились в распоряжении различных ведомств. Между тем, эти предприятия в своё время составляли органичную часть производственного процесса на этих землях. Как правило, это были небольшие заводы, перерабатывавшие сырьё, производившееся в имениях, в которых теперь был колхоз. Новые владельцы этих объектов, организовав производственную деятельность, заботились о собственной выгоде, а судьба колхозов их интересовала мало. Разумеется, что такое положение порождало конфликты между субъектами хозяйствования.

Не способствовало развитию коммун и артелей и то, что находящиеся на их территории постройки передавались им же в аренду за плату. Кроме того, живой и мёртвый инвентарь имений, который использовали члены коллективов, принадлежал не им, а государству.

Все эти факторы негативно влияли на состояние дел в колхозах. Подтверждение тому – результаты производственной деятельности коллективных хозяйств за 1922 г., представленные в таблице [4]:

Наимен. с/х. культ.	Рожь озим.	Пшен.	Овёс	Ячмень	Картоф.	Рожь яров.	Греч.	Лён
Посеян. дес.	650	32	205	62	101	15	43	20
Урож. пуд.	21875	867	6273	2893	75544	450	2052	156

Несложные расчёты показывают: урожай с одной десятины ржи озимой был 34 пуда, пшеницы – 27, картофеля – 748, овса – 30, ячменя – 46, ржи яровой – 30. Средняя урожайность по всем показателям уступала довоенному уровню, когда на этих землях хозяйствовали помещики. Валовой сбор во всех колхозах, вместе взятых, был каплей в море необходимых потребностей республики в продовольствии и фураже, причем земли бывших помещиков были не худшие. Кроме того, значительная часть собранного шла на удовлетворение собственных потребностей хозяйств. Надо полагать, что помещики, поставлявшие хлеб на экспорт, умели землёй обходиться надлежащим образом. Значит, дело было в новых хозяевах и тех объективных причинах, о которых сказано выше.

Заключение. Таким образом, основными проблемами, препятствовавшими становлению коллективных хозяйств, были: отсутствие в коммунах принципа материальной заинтересованности; арендная плата колхозов за используемую ими землю и хозяйственные помещения; лишение колхозов права пользования предприятиями, которые находились на их земле и составляли в прошлом единый хозяйственный цикл.

1. НАРБ, ф. 48, оп. 1, д. 659, л. 6.
2. НАРБ, ф. 101, оп. 1, д. 2756, л. 45.
3. НАРБ, ф. 4, оп. 1, д. 114, л. 6.
4. НАРБ, ф. 48, оп. 1, д. 659, л. 45.